

АНАТОЛИИ КУКЛИН (Тарту)

ГЛАСНЫЙ *ä* В КРАСНОУФИМСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Диалектная разновидность марийского языка, именуемая в лингвистической литературе красноуфимским говором, характеризуется речевыми особенностями марийцев, проживающих на территории Красноуфимского, Артинского, частично Ачитского и других районов, расположенных в крайней юго-западной части Свердловской области. Заселение этой местности марийцами началось еще до середины XVI в., т. е. после миграции части луговых мари на восток, в районы Прикамья и Приуралья (Сепеев 1975 : 24). В настоящее время в Свердловской области проживает более 24 тыс. марийцев в соседстве с башкирами, татарами, русскими, удмуртами. Тесное общение между ними в течение длительного времени предопределило выработку некоторых черт, значительно отличающих рассматриваемый говор от лугового наречия. Об этом, в частности, говорят лексические заимствования, а также некоторые фонетические и грамматические явления. Утрата языковой и культурной связи переселенцев с луговыми марийцами способствовала сохранению у них некоторых архаических черт и ранних заимствований, воспринятых до переселения.

Рассмотрим одну из особенностей говора в области вокализма. Нам представляется интересным гласный *ä*, отсутствующий в марийском литературном языке, — нелабиализованный гласный переднего ряда, нижнего подъема. При его артикуляции передняя часть спинки языка несколько поднимается кверху, стенки резонатора, губы и мышцы углов рта более напряженные, чем при *a*. В качественном отношении переднерядный *ä* близок к гласному *ä* прибалтийско-финских языков, мордовских диалектов, мансийского и отчасти хантыйского языков. Гласный *ä* в красноуфимском говоре в большинстве случаев выступает вместо *a* лугового наречия. Утратившийся в луговом древнемар. *ä* сохранился в горном и северо-западном наречиях, частично в некоторых восточно-марийских говорах, например: марГ *ä·r'a*, марСЗ *ä·tä* 'отец', ср. эрз. *atäj, ata*, фин. *ätti, ättä*, вепс. *ätä*, хант. *ata*, венг. *atya* (Gombocz 1909—1910 : 240); марГ *lä·кташ*, марСЗ *le·kiäš* 'выходить, выезжать, всходить, взойти (о солнце, луне, восходах)', ср. фин. *lähteä*; марГ *lä·нгыш* 'кадка' < *läñššz 'посуда из бересты' (Основы 1974 : 319); марГ *nä·лаш*, марСЗ *nä·läš* 'брат, взять'; марГ *шä·даны*, марСЗ *šä·däñ* 'пшеница'; марГ *шä·ргаш* 'раскрывать', ср. общеперм. **šer-* < доперм. **šärz-* (КЭСК 319); калт. *шäргэнче* 'гнида'; калт. *шäргүйше* 'волосатик, водяной червь' (от *шäp* 'конский волос' + *кишке* 'змея'), ср. морд. *чäргүй* 'волосатик', манс. *šär, sar* 'шерсть', фин. *harja* 'грива' (Исанбаев 1964 : 32); марГ, марСЗ *ä·zä*, малм. *ižä*, менз. *ä·žij*, калт. *ižä·j* 'старший брат, младший брат, младший дядя по отцу (моложе отца)'

Как известно, *ä* первого слога восходит к ф.-у. *ä. В значительном

количестве слов, общих для родственных языков, наблюдается большое разнообразие звуковых соответствий: в финском и венгерском обычно сохраняется *ä, в мордовских и марийском *ä* встречается лишь в отдельных случаях, а в пермских языках за небольшими исключениями перед твердыми согласными произошла лабиализация (Основы 1974 : 206). Можно полагать, что уже в некоторых диалектах праязыка гласный *ä* замещался ближайшими по артикуляции звуками или в определенных фонетических положениях произошла лабиализация ф.-у. *ä, в результате которой он утратился.

Гласный *ä* в красноуфимском говоре встречается во всех позициях слова.

1. В анлауте и в первом слоге: *älä* — частица неопределенная, *ämäl* 'повод, причина', *äräm* 'напрасно, зря, попусту, без пользы', *ärβer* 'вещь', *jä-lnək* 'зверь', *jä-mle* 'хороший', *käðärlä-š* 'уважать', *lä-mbe* 'ручьевая минога', *päri* 'нечистая сила', *tänka-l* 'прямо, прямой', *čä-βək* 'хвост', *čäjyala-k* 'чайная ложка', *šäjillä-š* 'шалить, шутить'. *ä* в первом слоге употребляется и в общих с другими диалектами исконно марийских словах и в словах, происхождение которых еще не выяснено, например: кр.-уф. *träk*, калт. *träk*, малм. *кол-тырпä* 'чайка'; кр.-уф. *пäää* 'хлеб' (в детской речи), марГ *н'än'ä*, калт. *н'än'ä*, удм. *нянь*, коми *нянь* то же (Исанбаев 1964 : 32).

2. В непервых слогах: *bärnältä-š* 'смешиваться, смешаться', *küpä-š* 'вздуться, вздуться (о животе)', *käñerä-š* 'мера ниток, моток (в одном мотке 300 ниток)', *mätä-le* 'кулик', *nästäkä-j* 'вещь, предмет', *ormäčä-k* 'седёлка', *rüčkä-š* 'стучать', *süä-n* 'свадьба', *törβältärä-š* 'отклеить, облупить, обдирать', *tüšä-š* 'вытерпеть, стерпеть', *šüälä-š* 'полоскать, прополоскать (белье)'.

3. В ауслауте: *ajžä* 'ребенок, дитя', *βümä* 'общественная помощь', *kižä* 'ручки' (в детской речи), *kültä* 'сноп', *löčkatä* 'полный, тучный', *opšä* 'дверь', *sörmä* 'лохмотья', *trä* 'божья коровка', *üärnä* 'масленица', *uäčä* 'колобок', *čäškä* 'молодая береза', *čünčä* 'прыщ', *šänčä* 'щепка'.

В красноуфимском говоре, как и в калтасинском, встречаются случаи выступления *ä* в роли словоразличителя, например: *äkäü* (название головного убора женщин восточных мари), *акäü* 'старшая сестра', *пärän* 'ягненок', *парän* 'имеющий пару' (Исанбаев 1964 : 28).

Гласный *ä* широко распространен в тюркских заимствованиях красноуфимского говора. Вопрос о вокализме тюркских заимствований марийского языка и замещении чув. и тат. *a*, *ä* звуками марийского языка, близкими по произношению, впервые рассматривался М. Рясänenом (Räsänen 1920; 1923). Говоря о замещении тат. *ä* аналогичным гласным марийского языка, он привел примеры из бирского диалекта, в котором, по его мнению, *ä* встречается лишь в новейших тюркских заимствованиях, например: *äjβät*, *äräm*, *ärβer* (Räsänen 1923 : 15). Слова *äräm* 'напрасно, зря, попусту', *ärβer* 'вещь' встречаются и в других восточномарийских говорах, в том числе в красноуфимском. Опираясь на чувашские заимствования, Рясänen пришел к выводу, что *ä* в горном наречии марийского языка появился позже, чем *a*.

Ю. Вихманн в рецензии на работы М. Рясänenа высказал противоположное мнение. Исходя из данных родственных языков, он утверждал, что в звукосоответствии марГ *ä* и марЛ *a* первичным звуком следует считать *ä* (Wichmann 1923 : 44, 45).

В. Штейниц и Э. Итконен отмечали наличие *ä* в системе гласных древнемарийского языка и сохранение его в горном наречии (Steinitz 1944 : 26; Itkonen 1954 : 203—211). Э. Итконен предполагает, что в древ-

немарийском языке в первом слоге ä исчез, но из-за широкого распространения в непервых слогах и суффиксах он появился вновь в первом слоге в соответствии с гармонией гласных. Здесь сказалось влияние фонетики соседних тюркских языков. Мнение Э. Итконена поддерживает Б. А. Серебренников (Serebrennikov 1957 : 226).

Марийские исследователи фонетических особенностей современных марийских диалектов, реконструируя звуковую систему древнемарийского языка, пришли к выводу, что ä в горном, северо-западном и некоторых говорах восточного наречия сохранился как в первом, так и в непервых слогах (äŋ 'отверстие', pã·rdäš 'язь', nã·läš 'взять'). В луговом наречии и частично восточномарийских говорах он в большинстве случаев совпал с а (aŋ, parða·š, nala·š), в небольшом кругу слов перешел в е (pär > ber 'место', bä·rgä > be·rge 'почки', šäkš > šekš 'желчь'). Говоры же восточного наречия благодаря тесной связи с тюркскими языками получили возможность для вторичного развития ä (Исанбаев 1964 : 27—33; Грузов 1965 : 114).

Анализ тюркских заимствований в красноуфимском говоре показывает, что в них почти всегда выступает гласный переднего ряда языка-источника, ср. кр.-уф. ä·rã·m < тат. әрәм 'напрасно, зря, попусту', кр.-уф. ä·rãmã· < тат., башк. әрәмә 'талык', кр.-уф. kã·jžär < тат. хәзер 'сейчас, теперь, ныне, нынче', кр.-уф. käl 'сила, мощь' < тат. хәл 'сила, мощь, бодрость', кр.-уф. kã·tär < тат. хәтер 'память', кр.-уф. pã·kã < тат. пәке 'ножик (складной)', кр.-уф. rã·tle < тат. рәтле 'толковый'. Тат. ә (ä) качественно совпадает с кр.-уф. ä и определяется как негубной гласный переднего ряда нижнего подъема (несколько приближается к передним смешанным) (Байчура 1959 : 29). Тат. ä, совпадающий с красноуфимским, был в древнетюркском языке. В настоящее время он встречается как самостоятельная фонема в азербайджанском, туркменском, уйгурском, татарском, башкирском, казахском языках и сингармонических говорах узбекского языка (Исхаков 1955 : 70), например: кр.-уф. šãškã· 'цвет, цветок' < башк. сәскә, тат. чәчәк, чәчкә, др.-уйг. čäčäk, др.-тюрк. čecäk 'цветок' (Махмутова 1978 : 44). Аналогичное слово в луговом и горном наречиях марийского языка можно считать древним чувашским заимствованием: марЛ саска· 'плоды, ягоды, надземная часть овощей, ботва', марГ се·ска 'надземная часть овощей, ботва', марСЗ sä·skã 'ягоды, плоды' < чув. чечек, çeçке 'цвет, цветок'. В чувашском языке древнетюрк. *ä в большинстве случаев перешел в а. Тат., башк. ä, соответствующий чув. а, выступает на месте общетюрк. а. Слова этой категории, вошедшие в марийский язык, в луговом наречии, красноуфимском говоре и некоторых восточномарийских диалектах употребляются с а, в горном и северо-западном — с ä, иногда е, например: марЛ, кр.-уф. ар·ва, марГ ä·р·ва, марСЗ ä·р·vä 'мякина' < чув. арна 'мякина', ср. тат. әрбә 'мякина, полова'; марЛ, кр.-уф. а·ва, марГ ä·ва, марСЗ ä·vä 'мать' < чув. ани, анна (при обращении к пожилой женщине), ср. тат. әби 'бабушка', башк. әбей то же.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в татарском и башкирском языках в большинстве случаев некогда происходило опереднение общетюрк. а, сохранившегося в соседнем чувашском и других тюркских языках. Аналогичное явление наблюдалось также в горном и северо-западном наречиях марийского языка, например: марЛ, кр.-уф. ара·ка, марГ ä·ра·ка, марСЗ ä·rã·kã 'вино, водка' < чув. эрех, ср. тат., башк. ара·кы 'вино, водка'. Переход а > ä в горном и северо-западном наречиях отмечается и в словах финно-угорского происхождения, например: кр.-уф., марЛ ра·га·r, марГ пã·гар, марСЗ pã·gär 'желудок, зоб (у птиц)'; кр.-уф., марЛ ßara·š, марГ vä·paui, марСЗ ßã·rãkš 'ястреб', общеперм. *variš, доперм. *waršš (КЭСК 47).

Надо полагать, что опереднение *a* в *ä*, отмечающееся как в некоторых тюркских, так и в отдельных диалектах марийского языка, есть результат взаимного влияния генетически неродственных языков. Этот процесс для языков Среднего Поволжья и Приуралья был сложным в своей последовательности, состоял из накладывающихся друг на друга лингвистических и экстралингвистических факторов. Поэтому в диалектах марийского языка, в том числе и в красноуфимском говоре, с более древними чувашскими заимствованиями имеем слова, заимствованные в позднее время из татарского и башкирского языков. В некоторых татарских и башкирских заимствованиях говора имеются случаи замещения заднерядного гласного *a* языка-источника переднерядным *ä* в языке-рецепторе: кр.-уф. *nä-mäs* 'стыд, позор' < башк. *намыс*, тат. *намус* 'честь, совесть'; *šäjtä-n* 'злой мифический дух' < тат., башк. *шайтан* 'черт, бес'; *okšä-* 'деньги, денежный' < башк. *акса*, тат. *акча* 'деньги, монета'; *näčä-r* 'худой, слабый, плохой' < тат. *начар* 'плохой, дурной, нехороший'. В этих словах *ä* мог развиваться из первоначального *a* под воздействием окружающих переднеязычных и мягких согласных. Переход *a* > *ä*, по-видимому, мог осуществиться не только благодаря комбинаторным изменениям гласных в структуре слова. Нам кажется, тут были и внутренние, связанные с системными отношениями причины, которые привели к *a* > *ä*. Одной из них, возможно, стала устойчивость оппозиции по признаку неогубленности. Тат. *a* характеризуется как огубленный гласный заднего ряда, нижнего подъема (Байчуря 1959 : 29). Стремление сохранить фонологическую систему неогубленности путем включения признака ряда, быть может, и объясняет опереднение заднерядного гласного языка-источника.

Процесс коснулся и наиболее ранних русских заимствований красноуфимского говора. Эта группа слов, по всей вероятности, попала через татарский язык и опереднение *a* языка-источника произошло в языке-посреднике, например: кр.-уф. *čäž* < рус. *тяж* (телеги), ср. тат. *тэже*, башк. *тэже*; кр.-уф. *käržinka* < рус. *корзинка*, ср. тат., башк. *кэрзинкэ*; кр.-уф. *šläpä* < рус. *шляпа*, ср. тат., башк. *эшлэпэ*; кр.-уф. *kärñi-z* < рус. *карниз*, ср. тат., башк. *кэрниз*; кр.-уф. *šäl* < рус. *шаль*, ср. тат., башк. *шэл*. Современные заимствования из русского и через русский язык усваиваются в исконно фонетическом облике, так как обогащение словарного состава осуществляется почти полностью за счет слов книжного происхождения как через устную речь, так и через письменную. Но и в них проявляется специфика говора, т. е. замещение заднерядного рус. *a* переднерядным *ä* (*kärtäčka* < *фотокарточка*, *kärändä-š* < *карандаш*, *žpäška* < *известь*, *šträptlä-š* < *стряпать, состряпать*, *kärtü-ž* < *картуз* (название мужского головного убора)).

Таким образом, приведенный материал ясно говорит о том, что *ä* в красноуфимском говоре употребляется не только в некоторых исконно марийских словах, но и в некоторых тюркских и русских заимствованиях.

В словах иноязычного происхождения имеются случаи соблюдения регрессивной гармонии гласных. Развитие *ä* в них произошло под влиянием переднерядного гласного *i* в соседстве с палатализованными и переднеязычными согласными (*kärñi-z* < *карниз*, *jämši-k* < *ямщик*, *čä-jñik* < *чайник*, *prä-ñik* < *пряники*, *šäjtlä-š* 'озорничать, шалить' < *шалить*).

Вышеизложенное приводит к выводу, что гласный переднего ряда *ä* в красноуфимском говоре является исконно марийским. В период самостоятельного развития говора сфера его бытования получила широкое распространение. Этому способствовали, во-первых, отдельные случаи

сохранения древнемар. *ä* в первом слоге, во-вторых, влияние фонетики соседних тюркских языков, в-третьих, опереднение *a* языка-источника в иноязычных заимствованиях. Наконец, следует учесть роль окружающих палатальных и переднеязычных согласных, а также регрессивную ассимиляцию гласных.

Сокращенные названия марийских говоров

калт. — калтасинский говор, кр.-уф. — красноуфимский говор, малм. — малмыжский говор, менз. — мензелинский говор.

ЛИТЕРАТУРА

- Байчура У. Ш. 1959, Звуковой строй татарского языка. Экспериментально-фонетический очерк I, Казань.
- Грузов Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола.
- Исанбаев Н. И. 1964, О происхождении гласного переднего ряда *ä* в калтасинском говоре марийского языка. — Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология, Москва—Ленинград, 27—33.
- Исхаков Ф. Г. 1955, Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I. Фонетика, Москва, 60—114.
- Махмутова Л. Т. 1978, Опыт исследования тюркских диалектов, Москва.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, 1974, Москва.
- Сепеев Г. А. 1975, Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX вв.), Йошкар-Ола.
- Gombocz, Z. 1909—1910, A magyar *a*-hangok történetéhez. — NyK XXXIX, 229—274.
- Itkonen, E. 1954, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tschermis-sischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI, 149—345.
- Räsänen, M. 1920, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki (MSFOu XLVIII).
- 1923, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki (MSFOu L).
- Serebrennikov, B. 1957, Zur Geschichte der *a*-Laute im Tschermis-sischen und Tschuwassischen. — UAJb. XXIX, 226—230.
- Steinitz, W. 1944, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm.
- Wichmann, Y. 1923, Die türkischen lehnwörter im tscheremissischen. [Рец. на] Räsänen, Martti, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen (MSFOu 48), Helsinki 1920; Räsänen, Martti, Die tatarischen lehnwörter im tscheremis-sischen (MSFOu 50), Helsinki 1923. — FUFAnz. XVI, 32—53.

ANATOLIJ KUKLIN (Tartu)

THE VOWEL *ä* IN THE KRASNOUFIMSK DIALECT OF THE MARI LANGUAGE

The dialectal variety of the Mari language which in linguistic literature is known as the Krasnoufimsk dialect comprises the speech peculiarities of the Maris living on the territory of the Krasnoufimsk, Artinsk, Ačitsk (partly) district and other territories in the Sverdlovsk region. One of the peculiarities of the dialect is the vowel *ä* which does not occur in the literary language. From the phonological point of view the *ä* is to be considered an independent sound which can be found in any position in the word. The spread of the phoneme was due to the retention of the Old Mari *ä* sound in the first syllable (e.g. *nääñä* 'bread') and the influence of the Tatar and Bashkir languages. This front vowel is found almost exclusively in Turkish loanwords (e.g. *ärämä* 'willow' < Tat., Bashk. *әрәмә*). In a few borrowings the back vowel *a* has been replaced by the *ä* in the recipient language (e.g. *šäjtän* 'evil ghost' < Tat., Bashk. *шәйтән* 'the devil'). The influence of the surrounding palatalized and forelingual consonants should also be taken into account as well as regressive assimilation of vowels (e.g. *pfäñik* > Russ. *пряники* '(gingerbread) cookie, sweet biscuit').